

Бурбекова Сауле

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА АБАЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ: ПОНЯТИЕ ТОЧНОСТИ ПЕРЕВОДА

В статье предпринят опыт анализа русских переводов философской лирики Абая Кунанбаева. Он показал, что выработка стратегии перевода - это определение критериев переводческой компетенции.

Анализ русских переводов философской лирики Абая позволил установить зависимость принципов и критериев поэтического перевода от жанровой структуры оригинала и поэтических традиций.

Невозможность отнести русские переводы Абая к русскому литературному процессу объясняется их функцией маргиналий. Результаты художественных переводов Абая обусловлены применением кальки и переводческой компетенцией с ее пониманием культурной инаковости.

Современное понимание роли и места художественного перевода в литературном процессе выявляет актуальность социальной и национальной вариативности перевода, связанного со столкновением разных систем ценностей. Буквальный перевод национального колорита может существенно трансформировать границы жанра, безобидная на первый взгляд замена образов оригинала близкими искажает "национальную картину мира". Правомерность такой точки зрения подтверждает анализ философской лирики Абая Кунанбаева в аспекте точности перевода.

Понятие точности художественного перевода базируется на анализе передачи культурных традиций (культуры народа и языка оригинала и культуры народа и языка перевода). Предпосылки современного подхода к художественному переводу как части литературного процесса связаны с методологией сравнительного литературоведения, получившей наиболее последовательное воплощение в трудах П. Топера и восходит к принципам и стратегиям художественного перевода М. Лозинского, В. Левики, Е. Эткинда, А. Штейнберга.

Понятие точности рассматривается нами с позиций расширительного толкования, поскольку соответствие образа перевода образу подлинника должно учитывать различие культурных традиций (культуры народа и языка оригинала и культуры народа и языка перевода). Другими словами, это учет различия традиций, в рамках которых существуют автор и переводчик.

Обоснование точки зрения на художественный перевод как часть литературного процесса требует выявления факторов динамического развития культуры и роли перевода. Отсюда оценка русских переводов Абая в контексте культурного взаимодействия и взаимообогащения, становления новых литературных жанров.

Пересмотр русских переводов философской лирики Абая, воспринимавшихся читателями как оригинальное явление, требует синтеза лингвистической и литературоведческой концепций художественного перевода. Здесь для нас значимы результаты контрастивной лингвистики как "источника исходных данных", проливающих свет на "расхождения между структурными типами системами и нормами языков", как "отправного пункта для собственно переводческого анализа" [1, с. 12], и роль так называемого экстралингвистического фактора (Л. С. Бархударов). Иначе, переводимость на уровне текста и сегмента [1, с. 110] рассматривается нами на уровне самостоятельных структур, как слагаемых композиции. Индивидуальный стиль переводимого автора, игнорируемый на уровне сегмента, может привести к более ощутимым потерям, чем при переводе текста в целом. Это одна из важных для нас методологических установок в работе.

Для выработки методологических установок не менее актуальны результаты современной науки, касающиеся категорий национальной картины мира: художественное пространство и художественное время, или хронотоп, по М. Бахтину. "Основными формами репрезентации национальной картины мира в литературном произведении признаются ...художественное пространство и тесно связанное с ним художественное время как категории, являющиеся важнейшими параметрами художественного текста, служащие конструктивными принципами организации литературного произведения. Категория пространства в этом случае является определяющей по отношению к категории времени и анализируется в аспекте "первичных образов физической природы" (ландшафта, климатических явлений, растительного и животного мира). Эти образы составляют кодовую систему архетипов, являющуюся ключом к данной национальной картине мира" [2, с. 44].

Классикой казахской поэзии стало стихотворение, наиболее симптоматичное для философской лирики Абая - **"Караша, желтоксан мен сол бір екі ай"** (1888), известное в переводе П. Шубина **"Ноябрь-преддверие зимы..."**

В стихотворении автором использованы приемы "терме накыл" - наставительной песни. Преимущество обращения к решениям этого жанра обусловлено возможностью реализовать идеи просветительского реализма. Уникальность произведения заключается в том, что, несмотря на острую драматургию, сценичность, призыв к милосердию и состраданию, реализующие принципы просветительского реализма, в конечном счете, являют нам философскую лирику.

Два месяца: ноябрь и декабрь - предстают как символы драматического для простого казаха времени, начала зимы, и рождают ассоциацию с разными судьбами бая и бедняка. Единство их конца - смерть вносит в стихотворение идею примирения при жизни. Портреты двух сверстников: сына бая и сына жалшы (наемного работника) усиливают мысль автора о залоге безмятежной жизни в том мире за счет сострадания и оказания помощи ближнему. Философия просветительского реализма содержит в себе функциональные доминанты - веру в разрешимость социального конфликта. Необратим, по мысли автора, конфликт психологический. Возможность обретения в себе чуткости к добру - условие спасения души.

Перевод П. Шубина - один из наиболее удачных. Стратегия буквального перевода Шубина позволила сохранить жанр оригинала, хотя при этом усилена философско-назидательное направление. Стратегия буквального перевода не привела, как в вышеприведенных случаях, к трансформации текста Абая. Воспроизведение в переводе социального и нравственного конфликтов вписывается в русло параллельного развития двух планов.

Искажает оригинал, причем не в плане лексического расхождения, а плане трансформации ментального подтекста оценка байского сына переводчиком: "ублюдок", замена авторского обращения "Жас бала" на "Богатый бай". В оригинале надежда на сострадание персонифицирована как раз в сыне бая. Кроме того, встречающиеся в лирике Абая простонародные выражения, содержащие уничижительную оценку, не бывают, как правило, обращены к молодежи. Переводчик адресует обращение поэта баю, что является серьезным искажением оригинала.

Социальный конфликт преодолевается в оригинале реализацией философских сентенций. Размышления о миге и вечности, равной участи держать ответ за деяния перед Богом подготовлены описанием единого конца в земной юдоли для богатого и бедного. Отсюда кульминация стихотворения - обращение к сыну бая о сострадании.

Грубой оценочной экспрессией переводчик Шубин снимает, исключает возможность социального примирения в духе нормативной эстетики социалистического реализма. Такой финал, тип сюжетного разрешения переводчиком кардинально меняет как философскую концепцию оригинала, так и особенности мировоззрения Абая. Прием жанровой сценки в оригинале тяготеет к традициям народной повествовательной прозы, в переводе она стала описательной и в большей степени подчиненной морализаторству, отсутствующего у Абая. В оригинале идея примирения обладает оптимистической перспективой.

Перевод содержит много фактических ошибок, свидетельствующих об отсутствии знаний о казахском быте: казахи не жили в юртах зимой, чекмень не ткали.

Если оригинал по способам осмысления конфликта, снятию лирического напряжения, характеру образности, финалу относится к философской лирике, то перевод Шубина лишен признаков созерцательной философии, просветительского реализма. Стихотворение переведено как произведение социальной лирики. Если у Абая жанровая сценка становится поводом для обобщения общечеловеческих проблем и почвой рассуждений о природе человеческой жестокости, то перевод Шубина изобилует штампами и осмыслением конфликта в аспекте социальной природы, в духе критического реализма.

Если два месяца символизируют у Абая две модели человеческой судьбы и

Широкие возможности философского жанра получили разработку в стихотворении 1900 года - "**Жірегім нені сезесің**", более известном нам как "**Одинокое, не ищи**" в переводе А. Штейнберга. Главная идея стихотворения: "**Жалғыздыктан жаман жок**" ("**Ничего нет хуже одиночества**"). Последнее четверостишие, написанное в форме риторических вопросов:

Но что за польза от этого?

Что ты любишь в этой жизни?

Где жизнь, где друг?

Часто лирику Абая относят к направлению критического реализма. Между тем данное стихотворение реконструирует идеи просветительской философии, когда пороки, кроющиеся в человеческой натуре, становятся источником общественного несовершенства, но вместе с тем могут быть исправлены.

Переводческая стратегия А. Штейнберга - применение метода перевода способствует сохранению жанра оригинала. С одной стороны, в переводе утрачена свойственная оригиналу суфийская проповедь - обретение истины происходит через углубление внутрь "я", путем самопознания. Эта установка обусловила сущность просветительской философии Абая, однако переводчик создал удачный вариант эквивалентности. В переводе философское стихотворение обрело характер размышлений об общечеловеческих проблемах. Такой перевод в силу близости к мировому лирическому опыту мог бы составить при более широкой известности перевода место в русской культуре.

Известен ряд русских переводов Абая, отразивших его просветительство в упрощенном виде. Так, известное стихотворение "**Жасымда ғылым бар деп ескермедім**" ("**В юности науке не придавал значения**") (1881-1885) является отражением этой мысли. Драма позднего обретения радости к просвещению, сделавшая лирического героя одиноким и беззащитным, отдалив его от народа.

В переводе М. Петровых "Я презрел познание, юноша пустой" не только искажены основные идеи оригинального произведения, но эта трансформация симптоматична в силу переключки в литературоведческими интерпретациями оригинала. Так, М. Сильченко писал: "Абай поэтически сформулировал взгляды просветителя... Абай уже в этом стихотворении призывает к широкому, всестороннему образованию" [3, с. 53].

Петровых, в силу переводческой компетенции, обусловившей исключительную роль подстрочника, пошла, как и в других опытах переводов Абая, опробованным путем. Она применяет беит, аруз. Стратегия буквального перевода обусловила практически пословное воспроизведение текста и верную передачу этических комплексов: отрада, долг, стезя, покой. Переводчик осталась верной в сохранении стилистической нейтральности, отказе от прямых оценок.

Однако, несмотря на буквальное следование оригиналу, идея перевода свелась к обличению в духе критического реализма. Она была "спровоцирована" негативной оценкой лирического героя. Между тем автор оригинального стихотворения не столько грустит о совершенных ошибках юности, сколько разочаровывается, подводя итоги жизненного пути.

Рассмотренный перевод не мог обогатить русскую литературу очередной литературной обработкой оригинала.

Иным является по эмоциональному состоянию стихотворение Абая "Эсемпаз болма эрнеге" ("Не увлекайся всем подряд") (1894). Стихотворение написано в форме монолога и реализует установку на слушателя - юношу. Учительное слово лирического героя направлено на перечисление представлений о чести и достоинстве. По законам жанра заканчивается благословением: "Выбравший стезю учителя не ленится учить детей".

Система понятий дар, воля, ум, справедливость, польза, недостаток, соперничество, труд относится к просветительской философии. Они получили в зрелом творчестве Абая окончательную интерпретацию.

Отличие перевода Вс. Рождественского "Будь разборчив в пути своем" - в подробном перечислении и усилении оценочных категорий, в то время как Абай бесстрастен. Дидактизм оригинала - в законченности формулировок, дидактический жанр перевода - в усилении сентенции, морализировании. Для нравоучительного жанра предпочтительной является стратегия буквального перевода.

Подтверждением этой идеи является трактовка смерти в известном философском стихотворении Абая «Слсе слер табигат, адам слмес» – «Природа может умереть» Абай обосновывает понимание смерти:

Природа может умереть, но человек бессмертен,
Да, не вернется в этот мир, не суждено,
Так разъединение "меня" и "моего"
Невежи обозначат смертью [4].

Философская позиция дуализма оригинальна не только противопоставлением вечности человека и смертности природы, но поэт предпринял здесь попытку декодировать смысл смерти и обосновать понятие бессмертия. Так, Абай пишет о законах вечности и закономерностях:

В этот мир приходят многие,
Чтоб усталыми его покинуть,
Разве умер человек, подумайте,
Мир в словах оставивший перед кончиной?

Метафора усталости в философском смысле сопоставима с суфийской трактовкой. Вместе с тем слово и мысль как сила, преобразующая мир, создает новый для казахской поэзии XIX века философский жанр.

Кого не занимала тайна жизни?
И превосходство вечности над мигом,
Но не постигнуть тайну смерти,
Тому, кто не познал глубины мыслей.

Абай размышляет о вечных ценностях: любви, дружбе и утверждает этические ценности, заявляя о верности народному кодексу чести:

Нельзя и жизнь, и дружбу равно принимать,
Не совместить в себе два мира разных,
Страсть к жизни и готовность высший суд принять -
Я не могу назвать такое благонравьем.

Рассматриваемое стихотворение известно в переводе А. Рома "**Смертна природа. Человек же не умрет**", но более известен перевод Л. Озерова "**Природа смертна, вечен человек**".

Перевод Озерова проигрывает оригиналу в глубине философской мысли. Переводчиком не развита философская дилемма, являющаяся для автора оригинала способом передать сущность и сложность природного вселенского дуализма. Переводчик открыто в традициях родной ментальной культуры называет воззренческие понятия в их прямом значении, в то время как для Абая смерть - это табу. Смерть в оригинале осмыслена в категориях жизни, судьбы, природы, в их сложной иерархии перетекания смыслов.

Есть серьезное противоречие у переводчика в концовке стихотворения: "Кто жизни рад и равнодушен к смерти, Того я жизнестойким не зову". Перевод не лишен нарушений норм русского языка: быстрина (жизни); над нами широки судьбы права; невежда рек.

Если у Абая слово и мысль приобретают характер основ жизни, противопоставленной физическому существованию, то в переводе художественный конфликт и острота идеи реализуются посредством оппозиций: жизнь- смерть, хула- хвала, природа- человек.

Чрезмерно прямолинейное толкование идеи оригинала привело переводчика к творческой неудаче, искажению основной мысли стихотворения Абая и трансформации философского конфликта в социальный.

Смирное отношение к смерти предельно конкретизировано и возвышено, одухотворено в мотиве терпения "**Бермеген кулга кайтесіу**". Применяемое Абаем понятие раб лишено его социальной окраски и наделено позитивным смыслом. Раб - это персонификация покорности судьбе (что проповедует ислам).

Ты раб в этом мире: терпи,
Ты раб в этом мире: терпи,
И возмущенье в мужестве сдержи,
Когда в твой дом явилась смерть,
Душе придется горечь всю стерпеть.

В противовес канонам ислама поэт расширяет философию терпения до границ житейской мудрости и открытия нового духовного знания:

Ты понял: вечности не может быть,
Когда лишился спутника вдруг ты.

Трактовка вечности в духе номадической культуры снимает возможность выявления религиозной подоплеку текста, мусульманских ортодоксальных взглядов Абая. Подтверждением является рассуждение поэта о роли Бога в жизни любого смертного:

Бог сыну моему жизнь даровал и смерть,
Ведь смертен в мире каждый человек.

Трактовка Бога как высшей силы, источника всего сущего, и вместе с тем оберегающей силы, ставит Абая как философского поэта на вершину культурных достижений его эпохи.

Стал я в этом мире одинок,
Сохрани и береги, господь.
Сына моего судьба - покинуть нас,
Нам от бога нашего - терпеть наказ [4]

Одно из известных произведений философской лирики Абая "**Єлсем, орным - кара жер**". Главная мысль стихотворения связана с загадкой лирического героя - человека, ощущающего себя одиноким и страдающим от этого.

Если ты в себе сумеешь разобраться,
То подумай обо мне: я человек-загадка,
Вырос на земле я битв и бездорожий
В битвах с тысячьо людей был я одиноким!
Ты не вини меня за это!

Если до сих пор в лирике Абая одиночество было связано либо с оторванностью от своего народа, либо смертью сына, то теперь. В зрелый период творчества, поэт поднимается до такой степени обобщения, которая ставит его на одну ступень с русскими поэтами XIX века, особенно, с любимым Абаем поэтом - Лермонтовым.

Я народ хотел повести за собой -
 Но он за мной не пошел,
 Когда свободы желал для себя -
 Он волю мою сковал.
 Одни страдания мне от него,
 Но, может быть, ты поймешь?

Романтический конфликт оригинала - в трагическом отчуждении лирического героя от народа. Другой принцип романтизации сюжета - мотив сна, покоя как достижения высшей идеи свободы.

Покойного сна не нарушай,
 Пожалеть сумей
 Прислушайся к словам
 Пока еще не поздно.

Стихотворение известно в переводе М. Тарловского **"Разве не должен мертвый, я глиной стать"** и Ю. Неймана **"Когда умру, не стану ль я землей?"**. Оба русских перевода отражают стратегию буквального перевода. Ключевая метафора Абая - Кара жер - черная земля символизирует в оригинале смертность, конец физической жизни. Поиск эквивалента привел переводчиков к дословному переводу, что снизило философский смысл стихотворения Абая.

Главная причина искажения оригинала - в трактовке понятия смерть. Выше уже упоминали о том, что табу на это понятие у Абая обусловлено семиотикой ислама и мифологией язычества. Смерть в казахском сознании в известной степени тождественна в семантическом отношении понятию судьба, она фиксирует также переход из одного состояния в другое, в котором значимо явление вечности. Часто у Абая знаком этой черной земли - природы является конечность, смертность.

В настоящей работе не стала предметом анализа специфика воссоздания в художественном переводе ритмической структуры стиха. Для нас это явление представляется важным на следующем этапе исследования, когда будет установлена и доказана связь между переводческой компетенцией и стратегией и обоснована правомерность стратегии буквального перевода на этапе "открытия" неизвестных национальных литератур. Между тем уже в 90-е годы рекомендации перевода лирики Абая содержала работа Н. Сагандыковой. "Если строка состоит из 3-сложных, 4-сложных, 2-сложных строк с ударением на последних слогах, возможно, его следует переводить хореем 1-3-5, где ударения падают на нечетные слоги, что может дать соответствие мелодичности русского перевода казахскому оригиналу" [5, с. 109].

Итак, становится возможным обосновать следующее: выбор стратегии перевода (вольного, буквального, адекватного, эквивалентного) обусловлен системой функциональных соответствий, или функциональных доминант. Анализ жанра, композиции, стиля, образной системы, структурных принципов образа, способов передачи колорита, соблюдение норм языка перевода способствуют достижению точности в переводе.

"Вопрос о точности... не в том, чтобы знать весь диапазон, ореол смыслов, заключенных в слове, а выбрать из них тот смысл, который более всего подходит к общей, изображенной в данной фразе смысловой ситуации. Но такое знание слова предполагает, конечно, глубокое знание чужого языка вообще. Вот тогда появляется и истинная свобода: она в выборе нужного значения из множества присутствующих, имманентных слову" [6, с. 239].

Итак, анализ русских переводов философской лирики Абая показывает, что выработка стратегии перевода - это определение критериев переводческой компетенции. Функциональное соответствие перевода оригиналу обеспечивает определение функциональных доминант. Важным принципом выработки стратегии художественного перевода является переводческий анализ.

Анализируемые переводы Абая отличает подражание оригиналу, что условно, с позиций современности, функционально относит их к другому разряду - маргиналиям. Связано это с калькированием, как условием создания культурной инаковости.

Анализ русских переводов философской лирики Абая позволил установить зависимость принципов и критериев поэтического перевода от жанровой структуры оригинала и поэтических традиций.

Невозможность отнести русские переводы Абая к русскому литературному процессу объясняется их функцией маргиналий. Результаты художественных переводов Абая обусловлены применением кальки и переводческой компетенцией с ее пониманием культурной инаковости.

Литература:

1. Топер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. - М., 2001
2. Мусаев К. Лексико-фразеологические вопросы художественного перевода. - Ташкент, 1980.
3. Сильченко М.С. Творческая биография Абая. - Алма-Ата, 1957.
4. Уразаева К. Б. Роман М.О.Ауэзова "Путь Абая": традиции русского реализма и проблема национального своеобразия (Ю.Н.Тынянов и М.О.Ауэзова). Монография. - Алматы: Жети жаргы, 2000
5. Сагандыкова Н.Ж. Проблемы поэтического перевода с казахского на русский язык. Дис... д-ра филол. наук. Алматы: Национальная Академия наук РК. Институт литературы и искусства имени М.О.Ауэзова, 1994
6. Карельский А. Творческая индивидуальность переводчика и его "стилистический слух". // Иностранная литература. - 1994.- №6. - С.237 -242.